

Жанры речи. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 169–176

Speech Genres, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 169–176

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

Научная статья

УДК 811.161.1'282'42:355.48(47+57+430)+929

Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне как жанровая разновидность автобиографического рассказа (на материале корпуса диалектных текстов)

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и речевой коммуникации, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне можно рассматривать как самостоятельную жанровую разновидность (субжанр) автобиографического рассказа, в котором доминирует личностное начало. Рассказы сельских жителей о войне маркированы свойством эгоцентричности, характеризующим диалектную речь в целом. Рассказы о войне представляют устойчивые типы диалектного повествования, характеризуемые тематическим единством, общностью смысловой и нарративной организации, прагматических установок. Концептуальной основой рассказов о войне является тема личного страдания. Нарративная организация рассказов сельчан о войне характеризуется четкой темпоральной структурированностью, которая соотносится в том числе с хронотопом личного участия говорящего в событии. В рассказах диалектоносителей о войне ярко (вследствие их эмоциональной насыщенности) проявляются характерные черты диалектной коммуникации – изобразительность речи, совмещение ситуации темы повествования с ситуацией текущего общения. Специфика жанра народного рассказа о войне обеспечивается также характерными для него прагматическими установками: реализацией принципа достоверности, дидактичностью, вербализацией религиозных и мифологических представлений. Обращение носителя традиционной народной культуры к теме войны определяет характер используемых в повествовании средств – семантику, синтактику и прагматику текста, что свидетельствует о жанрообразующем потенциале данной темы.

Ключевые слова: речевой жанр, традиционная народная культура, диалект, автобиографический рассказ, рассказы о войне

Для цитирования: Крючкова О. Ю. Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне как жанровая разновидность автобиографического рассказа (на материале корпуса диалектных текстов) // *Жанры речи*. 2026. Т. 21, № 2 (50). С. 169–176. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

War stories of traditional folk culture bearers as a genre variety of the autobiographical story (based on dialect corpus)

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. Narratives of traditional folk culture bearers about the war can be regarded as an independent genre variety (subgenre) of autobiographical story, for which personal principle is crucial. Rural residents' stories about the war are marked by egocentricity which characterizes dialect speech in general. War stories represent stable types of dialect narrative with thematic unity, common semantic and narrative organization, and pragmatic principles. The conceptual basis of war stories is the theme of personal suffering. The narrative organization of villagers' stories about the war is characterized by a clear temporal structuring, which correlates,

among other things, with the chronotope of the speaker's personal participation in the event. In the dialect speakers' stories about the war, the characteristic features of dialectal communication, such as pictorial speech and combination of narrative topic with the situation of current communication, are vividly manifested (due to their emotional intensity). The specificity of the genre of the folk war story is also provided by a number of characteristic pragmatic principles: authenticity, didacticism, verbalization of religious and mythological notions. The reference of the bearer of traditional folk culture to the theme of war underlies the choice of the means used in the narrative, namely semantics, syntactics and pragmatics of the text, which indicates the genre-forming potential of the war theme.

Keywords: speech genre, traditional folk culture, dialect, autobiographical story, war stories

For citation: Kryuchkova O. Yu. War stories of traditional folk culture bearers as a genre variety of the autobiographical story (based on dialect corpus). *Speech Genres*, 2026, vol. 21, no. 2 (50), pp. 169–176 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2026-21-2-50-169-176>, EDN: LHLQKA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На протяжении 1990-х–первого десятилетия 2000-х гг. на территории с. Белогорное Вольского района Саратовской области диалектологами Саратовского университета собран значительный по объему корпус записей речи диалектоносителей старшего поколения (о Саратовском диалектологическом корпусе, см. [1, 2]). Одной из важнейших тем в их рассказах о своей жизни являются воспоминания о войне. Тематический корпус, послуживший источником наших наблюдений, сформирован путем выборки текстовых фрагментов на тему «война» из записей речи 18 жителей села – свидетелей тех трагических лет (среди них мужчины-фронтовики, женщины, вынесшие тяготы войны, дети военного времени). Все информанты, рассказавшие о прошедшей через их жизнь войне, – носители традиционной народной культуры, диалектоносители, что определяет специфику их мировидения и повествования о событиях прошлого (см. об этом: [3, 4]).

Рассказы носителей традиционной народной культуры о войне можно рассматривать как самостоятельную жанровую разновидность автобиографического рассказа. С автобиографическим дискурсом повествование диалектоносителей о войне связывает обязательная эгоцентричность воспоминаний о военном времени (ср.: «Автобиографический текст – это прежде всего отражение “Я” человека и его версии своей жизни» [5: 6]). Рассказы сельчан о войне характеризуются единством темы, общностью ее смысловой и нарративной репрезентации, прагматических установок. Вербализованные воспоминания диалектоносителей о войне обладают миромоделирующим потенциалом, в них репрезентированы общие для носителей традиционной народной культуры ценности – признаки, свойственные речевому жанру (см., напр. [6]).

Концептуальная основа рассказов сельских жителей о войне

Содержательной основой рассказов сельских жителей о войне является страдание, переживаемое в это тяжелое время. Это состояние передается прямыми его обозначениями (*страдания, кровопролития, тяжело, мучались*), выражается в повествовании о гибели близких и фронтовых товарищей, ранениях, голоде, физических испытаниях, боли и страхе. Названные компоненты содержания составляют основу как рассказов фронтовиков, так и тех, кто находился в тылу. Ср. (текстовые расшифровки записей диалектной речи приведены в полуорфографической записи – с сохранением некоторых диалектных особенностей речи):

[Из рассказов фронтовиков]: *Когда в наступление-то шли <...> и заметил [враг], что пошли в атаку, и начал минами. И вот мина-то взорвалась около меня <...> чую кровь тикёт в ноги. <...>*

А этот..., что первый номер пулемётчик-то, этот кричит: «Предайте смерти». Ему в позвоночник, вот, и он не может ничего. «Предайте смерти». Командиру взвода руку оторвало, без руки. А эти трое вот сели на козулках-то [на колени] им черепа раскрыло, одной миной, всем троим. <...>

Ну и слёг туда в этот, в полевой госпиталь. Вот там, там уж они эти осколки не вынают, а токо что вот прям, и ни усыпают, и ничего ни умораживают, а просто проделывают как буравлём эти, чтобы рана не затянулась, заражение не получилось, токо что прочистют и всё. А туды взошли бы... эти, брезенты натянуты, палатки-ти, вот. И так хирурги мясничут, прочищают.

А на носилках... тащат этих, раненых-то, да. Кричит хто: «Предайте смерти». Без рук, без ног, лежат всякие. Батюшки, нагледелси я, ой, оё-ёй нагледелси! Беда! <...> А до этого

командира отделения мы везли, в лодке, в лодке тащили. А он: «Дайте испью, дайте испью». А пить-то раненым-то не разрешено, нельзя пить-то. А он: «Дайте испить, дайте испить, помираю, дайте испью». И мы не довели до этого, поля, до госпиталя, до перевязочной, не довели, не довели, в грудь пулю-ту, чёго уж там. <...>

Командир взвода послал нас двоих за патронами <...> Мы с нём побежали, чё, мы ж молодые чай, побежали <...> Он [враг] стрелять начал, заметил, наверно, начал стрелять, начал стрелять. Мы с нём брякнёмши. Маненько эта перестрелка-то прекратится – мы опять бросок делать, бёгом, вот. Ну и раз, второй раз, третий раз, брякнулись, неподалёку друг от дружки, вот. Я встаю бежать, а он всё, убитой. <...>

Ведь всяки воёвали... Я молодёжь был, ну ишо мале... молодой был. Скоко мне: восемнадцать, наверно, лет было, вот. А вторых и пожилых ведь брали, пожилых. Много ведь их лёгло. Видали там [на мемориальной стеле] список какой? О, много лёгло, много лёгло, много, много!

В воспоминаниях фронтовиков нет повествований о подвигах и победах, основная тема – страшная беда, пришедшая с войной. Так, один из участников войны на просьбу диалектологов рассказать о войне с горькой иронией замечает: про войну, да про героизм... Отказываясь говорить о «героизмах», о которых, как ему представляется, хотят услышать собеседники, мужчина рассказывает: Я четырежды раз ранен, по госпиталю. Ну залащают раны и обратно на фронт, да, обратно на фронт. И все пять лет мои страдания, кровопролития. <...> А когда война-то началась, ну чё мы с этой с тульской винтовкой, когда они на мотоциклах, на машинах. Вон танки прут недуром! Пехота... бежать. Вот так отступали, отступали. Где бой как дадим огонь, чтоб они остановились, вот, а сами опять [отступить] дальше, дальше, до самой Москвы. В окружении был дважды. <...> Ой, тяжело, тяжело...

О победе фронтовики говорят скупой, ср.: [вопрос диалектолога] – А победу Вы где встретили? – Победу, вот в этом доме встретил... встретил дома [задумался] (в 1944 г. после контузии и ранений фронтовик был снят с воинского учета); дальнейшего развертывания темы, заданной вопросом диалектолога, не последовало.

[Из рассказов оставшихся в тылу]: ...есть-то нечего было голод;

..вот и плохо жили <...> ни дров ничего не было – вот как мы жили в войну-то <...>

тогда давали вот такой кусочек жмыху <...> вот такой кусочек: сто граммов или двести жмыху давали. И за это бегали на прополку и куда хочешь на работу-то, вот. Вот так и жили. <...> А хлеба не было тогда, ничего, дома-то не было его. Вот колочку толкли, ступы были <...> всё ели лишь бы выжить;

...уж время-т тяжёлое было – война. Мы с мамой-то плохо, у нас никакого запаса нету, ничего, мы-только на картошке, на тыквы, на свёкле только жили, на этом вот, хлебного ничего не было;

Вот и жили, вот и плохо жили <...> мама на окопы, а у нее вот двое мы, я в первый класс ходила;

...и рассказывать-то эндо боязно, вот что, как жили <...> ни дров, ничего не было. Вот как мы жили в войну-то;

...двести грамм кусочка давали. Вот косили руками рожь тогда, я это, в войну, и вот двести грамм тебе, и больше всё. Голода, как сказать, голодно мы жили;

В войну мы эдак и жили... Работали. Работали мужики и бабы. Тракторист пойдёт, а у меня ребёночков шесть человек в избе-то. Надо наварить, надо их накормить, надо успокоить. Тракторист пошёл, ты ступай с ним, на прицеп-то <...> Придешь, а ребёнок-то зевает, надо его кормить. Что принесли? Ничего! И там ничего нет. Ничего, и платили без копейки, а как работали!

Кака война была, теперьчи, какой голод был!

Ой, сколько их в войну умирало. Баб-то! (одна из причин женской смертности, о которой говорят информанты, – аборт, на которые вынуждены были идти женщины из-за невыносимо трудной жизни и которые делались не в медицинских учреждениях: баб полно погибло: ...сделают аборт и всё, заражение, и готова. Полно. И всё было. А тоже она детей [как будет растить?], у неё муж на фронте);

Работать по-взрослому приходилось и детям: что я – первый класс, а уже коров тянули [доили]; ...и в отряде варила у отца ... варила, полевая кухня есть <...> я и сено возила на коровах <...> 12 лет вот. Ну и дрова ходила пилить вместе с нём [с отцом] зимой <...> и вот я всю войну. Почему пять классов-то кончила: есть-то ничего, придешь на урок-то, не знаю урок, не знаю есть хочется.

Война изменила судьбу детей того времени: а если бы не война-то, да ни сирот-ти, ни голода-то, может бы, поучились бы подольше, а то, видишь, [надо было] работать, в четвертом [классе] уже бросила [учиться].

Постоянная тема в рассказах сельчан о войне – гибель, ранения близких, тяжесть жизни семей, оставшихся без мужчин:

...отца на войне убили, мы сиротами росли. Всё, мама с нами одна, семь человек <...> вон Малбва у меня живёт неподалёку, она... у них... это... отец тоже на войне убили;

[о свёкре] *ранение у него было, нога, он хромал... он контужен был и ранение, в это, в лёгкие;*

...отец родной без вести пропавший – уж война–то тогда была, война–то. Прислали маме, маме, а нас у маме было вот трое;

[о муже] *ну и прислали, что пропавший без вести, пропавший без вести. В военкомат я ездила, тоже сверялась. Там... отыскали его... его имя, фамилия и... что он пропал без вести. Ну вот, а где он был? Да кто его знает: може, в воде утонул, а може, и разбомбило и кости, и мяски. Кто знает, где они. Вот так и живу с этих годов;*

...[жили] не то что трудно, а очень трудно. Чай отца убили. <...> самому младшему было три месяца, Павлушке;

[о тёте] *Она осталась, осталась этой э-э... вдовой, на фронте мужика убили. И она осталась вдовой;*

[об односельчанке] *у нее муж и сын погибли <...> нигде не значится: ни в убитых, ни в раненых, нигде. И так вот эта женщина мучалась-мучалась, померла, и так и не признали, что сын у нее...*

Вербализация страдания как важнейшего и почти единственного восприятия войны связана с эгоцентричностью диалектного повествования, в котором главным становится виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий (об этих свойствах диалектной коммуникации см., напр., [4, 7]). Народный подвиг, победа – это концепты коллективного, общенационального сознания, которые репрезентированы в других дискурсивных сферах. Являясь значимыми компонентами национальной и государственной идентичности, эти концепты, безусловно, разделяются носителями традиционной народной культуры, но абсолютно доминирующей в их рассказах о войне остается память о большой беде, горе, страданиях. Такая четко сфокусированная концептуализация войны составляет специфику рассказов сельских жителей о войне.

То же содержание – горе войны – передается в народных песнях, далеких от словесной гармонии, нескладных, и потому остро и обнаженно передающих людскую боль и страдание, которые «сердце не терпит»:

– *А спойте нам что-нибудь* [просьба диалектолога].

– *Э-э-х, вот я чё вам спою, как я на фронте был.* [поёт] *Побывал ли ты в окопах и-и-и в холодных блиндажах, ды побывал ты да ты в окопах и-и-и в холодных блиндажах? Та-а-а-м и снаряды да часто рвутся, лишь осколки дребезжат, вот да-алеци снаряда только воздух шевелит, да. Как ударила по окопам, наблюдатель вверх летит. Дома ли матери тоскуют: «Где же наши сыновья?» Дома ли матери тоскуют: «Где же наши сыновья?».* *Да их похитила война. «Да где же да наши да сыновья?» Да их похитила война. Кто с оторвынай ногою, кто с разбитой головой, да, да кто с оторвынай ногою, кто с разбитой головой, кто с разбитой головой, да не вернётся он домой. Кто с разбитой головой, не вернется он домой. Всё.*

– *Вы на войне пели?*

– *На войне там, дочка, некогда петь, там страха боисси. Токо «господи сохрани!». Господь меня и сохранил, эт, а там некогда было. Я пришёл когда с фронта... [поёт] Измучинай, истерзынай кровавой той войной (м-м-м, забыл, эх, песню) кровавой той войной (м-м-м, ах, хороша песня-то была) идёт солдат с позиции с оторванной ногой. Идёт он на клюшку опирается, сам тихо слёзы льёт. Не знают ли родители, и знает ли жена? Ах, мать ты, мать родимая, зачем ты родила? Когда все радовались мной – теперь иду с позиции с оторванной ногой, да.... Жена же моя милая сказала слово мне: «Не нужен ты больше мне». Жена же моя милая сказала слово, что «ты такой калекой не нужен больше мне». А мать родимая сказала мать сыночку: «Я по миру пойду – не брошу тебя сыночка [плачет], покуда не помру». Вот тожа песня. Да много песен, много я знал песен-т, ну уж вот и сердце не терпит, и ничё уж нет.*

Эта песня в ином варианте была исполнена также другой жительницей села. Горе войны получило выражение в народном творчестве, в текстах, ставших прецедентными в сельском социуме.

Люди, на чью долю выпала война, считают мир важнейшей ценностью, опасаются повторения этой страшной беды:

[участник войны, обращаясь к диалектологу] *вот вы бы рассказали чёго там у вас в Саратове-ти? Войны не слышать?*

– *Пока ещё нет.*

– *Ну это ещё вот хорошо. Молите Богу, чтобы не было войны, а то беда идёт.*

Только бы не вспыхнул пожар, войны я имею в виду, это ведь будет гибель, гибель, – говорит другой ветеран войны.

Эта мораль твердо воспринята и поколением детей Великой Отечественной войны: не

дай бы никому ещё никакому поколению это-го! (жительница села 1932 г. р.)

Нарративные характеристики рассказов сельских жителей о войне

Ключевыми маркерами жанра, показателями тематической и темпоральной целостности повествования являются единицы *война, в войну* (выражение *во время войны* в речи диалектоносителей нами не отмечено, оно встречается только в вопросах и высказываниях диалектологов): *уж война-то тогда была; а потом война была; а тут война; у мамы-то вот... Григория взяли, Якова взяли, Ивана взяли, Петра взяли. Четыре дням! Война; вот как в войну-то жили; да было в войну; раньше, в войну-то...; в войну были эвакуированы*. Являясь единицами с событийным значением, такие номинации, по выражению С. Д. Кацнельсона, «образуют базисный уровень» в концептуализации и представлении события, они «непосредственно и прямо, выражают действительность», близки «в этом отношении к предложениям» [8: 143]. Названными ключевыми единицами отмечены практически все связанные с войной тематические фрагменты нашей выборки. Поэтому одной из жанровых характеристик рассказов сельских жителей о войне можно считать присутствие языковых репрезентантов базисного уровня концептуализации данного события – непосредственных его наименований.

Типичным для рассказов о войне является указание на границы события – его начальную и конечную точки, а также на период развития события в его границах: *тут война началась; а когда война-то началась...; в июне война началась, в сорок первом; в сорок первом году, когда война началась...; а в сорок первом война началась; война кончилась; да в сорок пятом, война закончилась; всю войну я носила (почту); и вот я всю войну (работала); один был дезертир, да, и вот он здесь всю войну, значит, скитался*.

Обозначаются также личные границы события, время, место, вовлечения говорящего в орбиту события: *война-то началась, мне было... война с 41-го а я с 32-го, вот 33-ий, 34-ый, 35-ый, 36-ой, 37-ой, 38-ой, 39-ый, 40-ой, 41-ый – девять лет мне было вот; а све-кор... войну начинал где-то на центральном (фронте); война, второго мая мы закончили бои, полностью, оставили нас, эту нашу армию Третью по охране Берлина; ранили, я больше к войне не вернулся; у меня рана не затягалась, меня в акацию, и на северный Казахстан, в Петропавловск, вот я там и до самого конца войны был в этом Петропавловске; я был призван до войны в сорок первом году, вот меня война захватила*

в Польше, на германской (границе), за Минском.

Таким образом, рассказы сельчан о войне имеют очевидную темпоральную структурированность (об этом общем свойстве ситуаций-событий см. [9]), которая выступает здесь в двух своих разновидностях – объективной, соответствующей реальным границам исторического события, и субъективной, соотносящейся с хронотопом личного участия говорящего в событии. Значимость последнего обусловлена уже упомянутым принципом эгоцентричности диалектного повествования.

Значение жанрового параметра темпоральной выделенности в рассказах сельских жителей о войне подчеркивается характеристикой многих других событий личной жизни как предшествующих или последующих по отношению к войне. Выражения «до войны», «перед войной», «после войны» частотны в речи диалектоносителей, ср.: *да вот всё это до войны; ещё до войны; вот перед войной; это тоже перед войной были; до войны учился; после окончания войны; после войны-ти уже эдак долго, долго еще налаживались; тяжёлое детство было, война, и после войны; посылают меня учиться после войны на курсы усовершенствования; после войны женился...*

В рассказах о войне вследствие их повышенной эмоциональности ярко проявляются такие особенности организации текста, как изобразительность рассказа, совмещение ситуации темы рассказа с ситуацией текущего общения (об этих свойствах диалектной речи см. [3]). Ср.: [из рассказов фронтовиков]...*эдак вот, когда в наступление-то шли, идёшь, он стреляет, бьёт, а там и ребятишки, в селе-ти, и старики, и все, и жёны. Слёз-то сколько! Крику-то сколько! Батюшки! А он стреляет, бьёт. Бьёт, стреляет, батюшки!*

...идёт, идёт с винтовками, по это... бёгут, бёгут, бёгут <...> она, как мина-то сразу, одна мина <...> и вот мина-то взорвалась около меня, сразу, я ток учуял вж-ж [подражает звуку летящей мины] и сразу, эх! Я под это-то и подка.. покотилси, в этом, в овраг-от, так на пригорке и лежал;

Ой, господи! В сорок втором году наша снежная какая зима была. С голоду сколько нас помёрло там, ой!

[из рассказа вдовы фронтовика] *Письма мне муж токо с дороги присылал, как вот его проводили. Не знай какого числа, но прописал в письме: «Ксеша, ничего не делай [просьба сохранить беременность], жди, може, бог сына нам с тобой даст. А може, я... живой буду, да, живой буду, письма буду писать. А живого не будет – не поминай лихим. Письмо пишу на пеньке. Идём пешеходом четвёртую сотню лесами дремучими. Идём с товарищем,*

товарища моего поранили, а мне шинель-ту... пробило всю пулями». Ну вот и всё.

[из рассказа женщины, потерявшей на войне отца и братьев] *Всю жизнь прожила сирота с матерью. Нас всех перебили, я сама последняя у них была.*

Увиденное и пережитое во время войны передается в рассказах жителей села как происходящее здесь и сейчас, ср. использование в рассказах о прошлом глагольных форм настоящего времени, их повторов (*бьёт, бьёт; стрелят, стрелят; идёт, идёт, бёгут, бёгут*), восклицательных повествовательных конструкций (*Слёз-то сколько! Крику-то сколько!*), междометий (*Батюшки! Ой, господи! Эх!*), звукоподражаний (*вж-ж*). Принцип совмещения ситуации темы с ситуацией текущего повествования получает свое предельное выражение в инклюзивных высказываниях, в которых говорящий не отделяет себя от погибших фронтовых товарищей или членов семьи (*С голоду сколько нас помёрло там, ой!*; *Нас всех перебили*), в пересказе содержания давнего письма мужа в виде прямой речи, цитации.

Прагматические особенности рассказов сельских жителей о войне

В рассказах сельских жителей о войне ярко проявляется общее для традиционной народной культуры отношение к знанию: важным и достоверным представляется не услышанное в чьем-либо рассказе или тем более – пересказе, а виденное, воспринятое и прочувствованное самим человеком в качестве участника соответствующих событий [4]. О войне рассказывают только те жители села, кто знает о ней не понаслышке, владеет достоверными знаниями. Именно эти люди, по представлениям сельчан, имеют право, как очевидцы, рассказывать о войне (достоверность как один из важнейших принципов диалектного повествования подчеркивается в [10: 108; 11: 60; 12: 69]). Родившиеся в годы войны причисляют себя уже к другому поколению и считают себя не вправе говорить о том, чего не помнят по своему личному опыту: *Что я? После войны-то [родилась], – говорит о себе женщина 1941 года рождения.*

Для тех же, кто пережил войну, именно она стала мерилем, точкой отсчета для оценки разных сторон жизни. То, что вынесли и как выживали в военное время, – это, по мнению жительницы села 1914 г. рожд., главное, о чем надо знать новому поколению, о чем должны рассказать им старшие. Ср. диалог со студентами-диалектологами:

- *А приметы есть у вас какие?*
- *Что?*
- *Приметы.*

– *Никаких примет нету, ничего нету <...> Вы всё записали, а надо было писать не это. Вот трактора вспахали, а жать сами, а мы ходим как жучки... День нашляешься, весь день, а ночью придёшь – надо кормить детей. Вот вам чего сказывать, а не это, вот. Тракторист вспахал, а у тебя семья. А ты и свари, и напеки, и накорми. Да ж нечем кормить. Да было в войну. То колючку, то лебеду толкли, навари, а то мякиной натискать, вот так. А работали... <...> А то ночью приедешь на карачках, вот так, вот вам чего сказывать, а не сказки, это вот сказка. Приедешь, а тут ребяташки то раздерутся, то не жрамши. А тут в огороде ничего нет и не мотыжено, а в ночь надо намотыжить, наварить. А тут-то и одеть нечего, платье надо прихватить да выстирать <...> А это вот мучались. Ты вон в лес иди пилить дрова. Да пилить, а мне одеть нечего... А это вам не это, не прибаутки сказывать. Вот как жили, разутые, раздетые.*

В рассказе пожилой женщины настойчиво повторяется мысль о первостепенной важности сохранения памяти о трудном военном времени: *вот вам чего сказывать*; а *это вам не это, не прибаутки сказывать*. Насыщенность рассказа односоставными предложениями – обобщенно-личными, неопределенно-личными, безличными – рисует картину типичной, общей для всех односельчан тяжёлой жизни военного времени, воспринимаемой как элемент идентичности сельского социума.

Особенностью рассказов сельских жителей о войне являются проникающие в них элементы мифологического и религиозного мировидения носителей традиционной народной культуры.

Началу войны, считают носители традиционной народной культуры, предшествовали ее предзнаменования:

- *...ну знаменье-то было.*
- *Какое?*
- *Вот перед войной, да.*
- *Какое?*
- *Ну котлован такой был огненной <...> ведь это было в сорок... в сороковом году, я как раз семилетку кончил.*
- *Котлован – это что значит?*
- *Огненный. Гибель человечества <...> огненные столбы, к войне.*
- *К войне?*
- *Да, это тоже в сороковом году было. А в сорок первом война началась.*
- *Уходивших из села на фронт провожали, отправляя религиозные обряды. Солдаты хранили в одежде крестики, читали молитвы.*
- *А мать, когда Вас на войну отправляла, благословляла Вас?*

– Начал клали, клали начал, клали начал [класть начал (начала) – у старообрядцев – класть поклоны (обычно перед началом какого-либо дела)].

<...>

– А что она Вам с собой на войну дала? Икону какую-то, да?

– Нет, ничё, я крестик вот токо что я взял и в пилотку ёго положил. И в пилотке хранил ёго, крестик <...> вот я ёго в пилоточку, и с собой, может, поэтому и осталси...

– А на войне Вы молитвы какие читали?

– Молитву я токо читал святителя Христов [молитва святителю Николаю, наиболее почитаемому в народе святому]: «Никола, спаси и помилуй» – вот, я молитвы читал. А есть, есть которы брали с(т)и... с(т)ишок «Помилуй мя, Бож(е)». Это большой стих, это большой стих, который был списан и который на память знали, вот. Ну это, это уж пожилые.

Заключение

Рассказы сельских жителей о войне представляют устойчивые типы повествования, характеризующиеся тематическим единством, общностью смысловой и нарративной организации, прагматических установок. В речи носителей традиционной народной культуры рассказ о войне маркирован свойством эгоцентричности (в центре вербализованного события всегда стоит человек – повествователь), выступает как субжанр автобиографического рассказа, в котором преобладает автобиографическая доминанта (о двух типах текстов в жанре автобиографического рассказа см. [13: 15]).

Жанр народного рассказа о войне представляет собой вербальный результат основанного на личном опыте осмысления важнейшего исторического события, имеет ясно очерченную концептуальную основу, которой является тема страдания, большой беды. В рассказах сельских жителей о войне выражено твердое, единодушное заключение о мире как важнейшей жизненной ценности – убеждение, сформированное личным жизненным опытом.

Нарративная организация рассказов сельчан о войне характеризуется четкой темпоральной структурированностью, которая вы-

ступает здесь в двух своих разновидностях – объективной, соответствующей реальным границам исторического события, и субъективной, соотносящейся с хронотопом личного участия говорящего в событии. В эмоционально насыщенных рассказах о войне ярко проявляются такие черты построения диалектного текста, как изобразительность рассказа, совмещение ситуации темы рассказа с ситуацией текущего общения.

Специфика жанра народного рассказа о войне обеспечивается также характерными для него прагматическими установками. Война является одним из важнейших событий биографии переживших ее людей, поэтому в рассказах о войне в полной мере эксплицирован свойственный диалектному повествованию принцип достоверности. Рассказы диалектоносителей о войне реализуют также свойственную диалектному повествованию дидактическую функцию [14]: подчеркивается то, что необходимо знать, помнить и понимать новому, не знавшему войны поколению. Особенностью рассказов сельских жителей о войне являются проникающие в них элементы мифологического и религиозного мировидения носителей традиционной народной культуры.

Возможность (и целесообразность) выделения рассказов сельских жителей о войне в качестве самостоятельного субжанра автобиографического рассказа определяется системообразующей функцией повествования на данную тему: обращение носителя традиционной народной культуры к теме войны определяет характер используемых в повествовании средств: семантику, синтактику и прагматику текста – его «речевую системность» (о речевом жанре как основе речевой системности см. [15: 281]). В разных типах текстовых фрагментов о войне, записанных от диалектоносителей референтной социальной группы (полных структурированных рассказах, кратких тематических фрагментах, отдельных тематических высказываниях, см. о названных типах фрагментации диалектного текста в [16]), устойчиво вербализуются (в разных комбинациях) описанные нами элементы текстовой структуры – семантико-концептуальные, нарративные и прагматические характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 268–273.
2. Крючкова О. Ю. Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских

народных говоров // Славянский альманах 2009. М.: Индрик, 2010. С. 67–84. EDN: PVWABF

3. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

4. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 3–7. EDN: KUFNCJ

5. Волошина С. В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв. : когнитивно-дискурсивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 44 с. EDN: YIIRSZ
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
7. Казакова О. А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 22 с. EDN: NIBCEL
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 216 с.
9. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34. EDN: YKWBDX
10. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
11. Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник : к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 58–64.
12. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (28). С. 66–72. EDN: TCBQVF
13. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20. EDN: PBSHWV
14. Волошина С. В. Дидактическая функция автобиографического рассказа (на диалектном материале) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 25. С. 38–54. <https://doi.org/10.17223/23062061/25/3>, EDN: PVRMJD
15. Деметьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2024. 304 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPI
16. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Иллюстративная зона регионального словаря : структура и содержательный потенциал интенционально фрагментированных воспоминаний носителей говоров // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 43–62. <https://doi.org/10.17223/22274200/31/3>, EDN: EJEVFN
3. Gol'din V. Ye. *Theoretical Problems of Communicative Dialectology*. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Saratov, 1997. 52 p. (in Russian).
4. Gol'din V. Ye. Narrative in dialect discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 3–7 (in Russian). EDN: KUFNCJ
5. Voloshina S. V. *Russian Autobiographical Practices of the XX–XXI Centuries: Cognitive and Discursive Aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Tomsk, 2024. 44 p. (in Russian). EDN: YIIRSZ
6. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
7. Kazakova O. A. *Dialect-speaker's Linguistic Personality in the Genre Aspect*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2005. 22 p. (in Russian). EDN: NIBCEL
8. Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of Language and Speech Thinking]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1972. 216 p. (in Russian).
9. Gol'din V. Ye. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanry rechi: sb.nauch. st. Vyp. 1* [Speech Genres: Coll. sci. arts. Iss. 1]. Saratov, GosUNC "Kolledzh", 1997, pp. 23–34 (in Russian). EDN: YKWBDX
10. Demeshkina T. A. *Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [A theory of dialectal utterance. Aspects of semantics]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000. 190 p. (in Russian).
11. Gol'din V. Ye. Dominants of traditional rural culture of speech communication. *Avanesovskiy sbornik: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. R. I. Avanesova* [Avanesov Collection: To the 100th anniversary of the birth of ch.-cor. R. I. Avanesov]. Moscow, Nauka, 2002, pp. 58–64 (in Russian).
12. Myznikova Ya. V. Communicative peculiarities of the dialect speech genre "story-remembrance". *Bulletin of Perm University*, 2014, no. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian). EDN: TCBQVF
13. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. World-modeling potential of speech genre (on the material of dialect speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–20 (in Russian). EDN: PBSHWV
14. Voloshina S. V. Didactic function of the autobiographical story (on dialectal material). *Text. Book. Book publishing*, 2021, no. 25, pp. 38–54 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/23062061/25/3>, EDN: PVRMJD
15. Demyetev V. V. *Integral'noye opisaniye rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian). <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>, EDN: CXRMPI
16. Borisova O. G., Kostina L. Yu. Illustrative zone of the regional vocabulary: Structure and content potential of intensively fragmented memories of speakers of vernaculars. *Issues in Lexicography*, 2024, no. 31, pp. 43–62 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/22274200/31/3>, EDN: EJEVFN

REFERENCES

1. Kryuchkova O. Yu., Gol'din V. Ye. Textual dialectological corpus as a model of traditional rural communication. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Vyp. 7 (14)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Iss. 7 (14)]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2008, pp. 268–273 (in Russian).
2. Kryuchkova O. Yu. Dialectological corpus as a source of linguocultural study of Russian folk colloquialisms. *Slavyanskiy al'manakh 2009* [Slavic Almanac 2009]. Moscow, Indrik, 2010, pp. 67–84 (in Russian). EDN: PVWABF

Поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 03.04.2025; опубликована 01.06.2026

The article was submitted 12.03.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 03.04.2025; published 01.06.2026